

Третья ипостась актера Сергея Юрского

Алла МИРОВСКАЯ

Еще он режиссер, но об этом как-нибудь в другой раз. А еще он писатель и поэт. И об этом немножко сейчас.

Осенью прошлого года я прочитала его первую книгу - «Кто держит паузу» - в большом варианте издания 1988 года, потрепанную и подклеенную, наткнувшись на нее совершенно случайно. А дальше - больше. Есть что-то неотразимо привлекательное в том, что известный человек приподнимает занавес своей жизни, - бесспорно, но книги Юрского были бы интересны и сами по себе, без его громкого имени - в них сочетаются неординарный сюжет, яркие характеры, своеобразная философия героев. Автор непостижимым образом удивительно красиво рисует жизнь, иногда не красивую и нерадостную с виду.

«Кто держит паузу» появилась в 1977 году. За последние десять лет вышли: «В безвременье», «СЮР», «Узнавание», повести, рассказы, сказки, стихи. Летом 97-го - «Жест» - стихи, стихи, стихи и немного прозы, первый большой поэтический сборник.

Первая и последняя в этом списке - книги автобиографические. Одна рассказывает о творческой судьбе автора и других людей театра, вторая - скорее лирической дневник, рассказ не о событиях, а о чувствах. В ней размышления о глубоко личном, интимном; об общем - человеческий отклик на большие события, заполняющие нашу жизнь.

В центре повести «Чернов» (книга «В безвременье») вымышленный герой, московский архитектор, и его драматическая судьба в 70-80-е годы. Ищущий и неудачливый, поэт и романтик; мне он напоминает отца - талантливого инженера, его молодость и метания, причину которых долго не удавалось понять. Книги Юрского развивают, дополняют и изменяют его актерский и человеческий образ, ставший символом высокого мастерства, любимый зрителями, но - в моем представлении - несколько застывший и академичный. Здесь он открывается как личность, выступает на поверхности его человеческая суть и судьба, радости, печали, испытания, труд.

Недавно нашелся повод обратиться к автору за кое-какими подробностями: в одном из его интервью промелькнула фраза о новой книге.

Кроме новой работы, меня интересовало, как появляются его книги, как ему удается совмещать три профессии - актера, режиссера и писателя, - что для него главное. Интересовали его собственные литературные пристрастия. Сергей Юрьевич на предложение побеседовать об этом откликнулся, мне показалось, охотно.

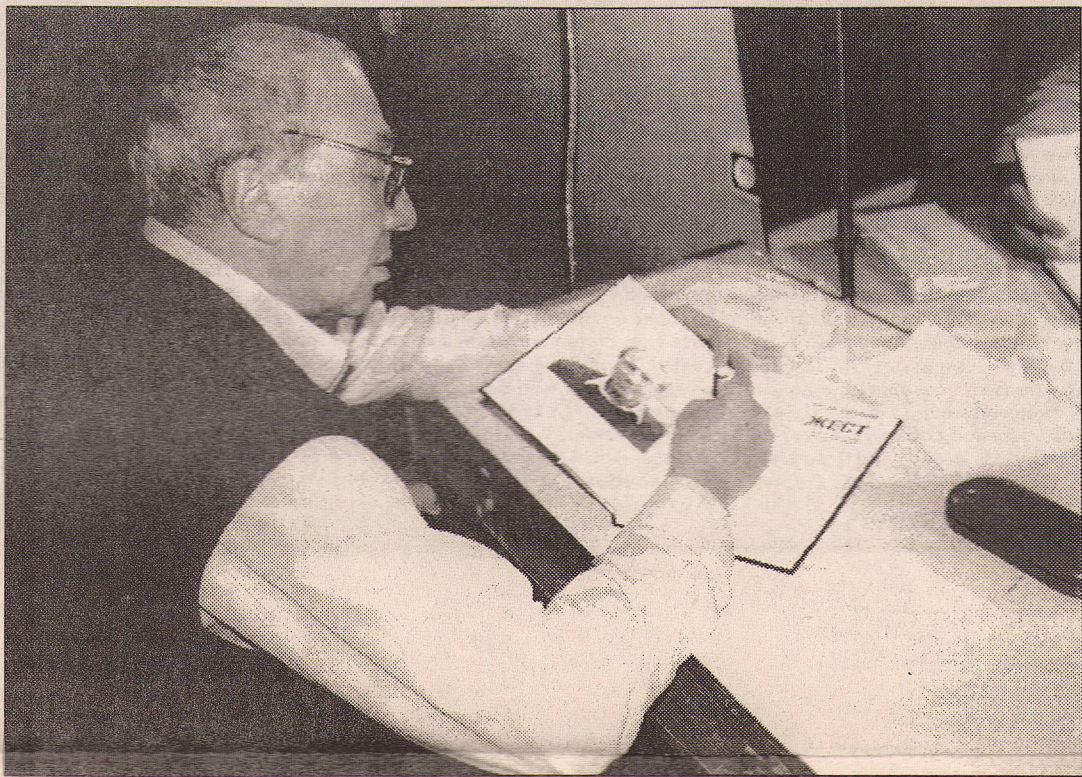
Наша встреча должна была произойти в артистической проходной Театра им. Моссовета, за полтора часа до начала спектакля «Фома Опискин», где у него главная роль. Я пришла чуть раньше и стояла напротив вахтера, время от времени поглядывая через стеклянную дверь

биться, лежащие в углу огромные лапти Фомы Опискина напоминали о том, что не стоит чересчур задерживаться.

Я пробовала расшевелить собеседника, то слегка провоцируя, то ударяясь в лесть, но Сергей Юрьевич не поддавался, на вопросы отвечал добросове-

тливо, но общий замысел и конкретная дата выхода, видимо, составляют издательскую тайну.

Юрский-писатель предпочитает работать по наитию и не любит компьютер, не держит черновиков и, подобно литераторам прошлого, имеет дело с

на улицу. Человек, вошедший в назначенный час, был похож на знакомого с детства актера лишь отчасти, если бы я не ждала его, то, возможно, не сразу бы узнала. Виною тому, скорее всего, шапка с козырьком и поднятый воротник, но не только. Лицо, изученное мною в подробностях по фильмам и фотографиям и восхищавшее своей живостью, сейчас имело вид абсолютно непроницаемый и холодный. Ни приветливости, которая, как мне казалось, была по телефону, ни внимания, ни готовности к беседе, ни даже просто любознательности. Ничего, что помогло бы мне соответствующим образом настроиться и начать разговор. Мы поздоровались, я представилась. «Пойдемте, Алла». Под мышкой он держал три картины: линейная абстракция, городской пейзаж с человеческими фигурами, похожий на детский рисунок, и портрет. «Вот, повешу. Двадцать лет смотрю в пустую стену, надоело». Из всех имеющихся у него средств общения Сергей Юрьевич включил только голос, и пока мы шли в его примерную, проверял его, гоняя вверх-вниз, здороваясь со служащими и болтая с ними о том, о сем.

Мы расположились в примерной - узкой длинной комнате-пенале с высоким потолком. Обстановка аскетическая: столик с зеркалом, рогатая вешалка для верхней одежды, стул, маленький диванчик, пустые стены.

Сначала было трудно рассла-

биться, но как будто не совсем охотно. Все же я сочла, что он рад интересу к своей литературной работе, особенно к последнему сборнику. А потом пошло лучше.

Итак, идея издать стихи Юрского принадлежит Евгению Витковскому - теперешнему главному редактору издательства «Полина», познакомившемуся с ними (стихами) по питерским изданиям Н.Якимчука - двум небольшим книжкам «Узнавание» и «СЮР».

«Жест» не был книгой «по заданию». Буквально из старых башмаков выуживали мы стихи, - делился Е.Витковский во время нашего разговора в издательстве. - В него вошли стихи, писавшиеся спонтанно и совсем не для печати. Сергей Юрьевич, похоже, не думал о собственном сборнике. Когда мы обратились к нему с таким предложением, он засомневался, наберет ли стихов на книжку, а получилось, что отобрали мы меньшую часть. Специально для книги был написан только прозаический комментарий.

Юрский доволен тем, как реализовался этот проект, заметил, что обычно не перечитывает свои книги, а вот к этой возвращается.

Вопросы по поводу новой книги оставил без ответа, ссылаясь на полное отсутствие времени для регулярных литературных занятий. Известно только, что «Полина» планирует издать

листом бумаги. Это полное доверие себе и персонажу, отсутствие предварительного плана - он не знает заранее, о чем будет писать, персонаж появляется на свет уже со своим характером и манерой разговора. Так, в рассказе «Теорема Ферма» герой, чех по национальности, говорит с особым акцентом, и писатель только стремился, как можно точнее передать его.

Работая над ролью, актер пытается постичь своего персонажа, а писатель и поэт действует, казалось бы, наоборот - пытается постичь себя. Что тяжелее? Как говорит Юрский, его три профессии находятся во взаимоотношениях, описать которые словами было бы довольно тяжело. Связаны они напрямую и, конечно, помогают друг другу. Но кирпичики, из которых он строит свои книги, - это не только опыт и события его жизни. Наравне с ними источником своего писательского творчества он считает фантазию и воображение. Кроме любимых русских классиков, его постоянные спутники - Булгаков, Зощенко, О'Генри. К их книгам часто возвращается. Как читатель более всего ценит не захватывающий сюжет, интригу, игру ума, а скорее определенный настрой, соответствующий собственной «волне», деликатность и юмор (повторил дважды), умение открыться желающим, близким, показать, что стоит за сюжетом. Среди современных авторов

ценит Ю.Трифонов, на котором сам вырос как писатель, Анатолия Кима, Сергея Бабаяна, драматурга Аллу Соколову, Киру Муратову. Не относит к писателям близким ему по духу, но читает с интересом книги Харитонов, лауреата премии «Антибукер» Галковского, про которого говорит «дразнит, хочется сопротивляться». Из поэтов близок Евгений Рейн, очень понравилась последняя книжка.

Трудно сказать, для кого он пишет свои книги. Конечно, в первую очередь они интересуют поклонников его актерского таланта, но потенциальный круг читателей, по-моему, несравненно шире. Взгляд автора остр, ему свойственно подмечать ускользающие от рассеянного внимания закономерности жизни, ее типические черты, проявления, характеры. Кстати, спросила, кому первому он читает свои книги и как относятся к его писательству друзья и близкие. Сергей Юрьевич рассказал о том, как вместе с Ией Савиной устроил для друзей читку пьесы Э.Ионеску «Лысая певичка» в собственном переводе. «Это был смешной провал, мы рухнули вместе». С тех пор первый читатель и критик своих произведений - он сам, и считает это своей особенностью как писателя.

Вспоминает также историю повести «Чернов», которую еще в рукописи повез в первую загородную поездку времен перестройки - показывать другу С.Маркишу - литератору и знатоку языков. «Я рассчитывал, что будет «Да-а-а!...», а получилось «Ну, молодец, вот сколько страниц написал». Он полагает, что как писатель не должен рассчитывать на понимание, оно приходит как подарок. Какая профессия из трех больше всего по вкусу сегодня? Говорит: «Конечно, актерская». Самым большим своим жизненным достижением и радостью Сергей Юрьевич считает своих зрителей, а особенно то, что ему удалось их сохранить и приумножить.

Очень хочется, чтоб он так же поступил со своими читателями.

Когда до начала спектакля «Фома Опискин» оставалось уже меньше часа, я закрыла блокнот: «У меня все».

- Замечательно, - последовал ответ. - Будем считать это вашим журналистским достижением. Обычно говорят: «А у меня еще столько вопросов...»

Ну, не знаю, не знаю... Раздался осторожный стук в дверь, пришли коллеги-актеры. Один известный актер принес «Жест» на автограф. «Да что с вами со всеми сегодня случилось?» - вопрошал Юрский, надевая очки и прицеливаясь ручкой. «Библиотеку для внука собираю, - ответил тот. - Полтора годика пока, вот будет ему библиотека двадцатого века, когда вырастет». Недурная библиотека будет у внука.

Юрский
Сергей

1007

17.03.98